

Е.В. Иерусалимская

Автограф

12+

Екатерина Иерусалимская

Автограф

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Иерусалимская Е. В.

Автограф / Е. В. Иерусалимская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В начале XX века пореформенная Россия рвалась вперёд, нагонять упущенное в предшествующую эпоху. Перемены в политике, образовании, бурное развитие наук, искусства и смутные надежды на создание более справедливого общества сопровождались, подобному просыпающемуся вулкану, вполне ощутимыми подземными толчками – предвестниками будущей катастрофы мирового масштаба. Для многих женщин приоткрылись двери в большой мир: появлялись новые возможности в познании наук, освоении прежде закрытых для них сфер деятельности. Таких девушек были тысячи; об истории одной из них рассказывает эта книга. Девушка, которую родные ласково называют Женечкой, живёт в провинциальном городе, мечтает стать хирургом, чтобы спасти жизни людей и, возможно, даже найти лекарство для бессмертия. Её мечте предстоит пройти через испытания двух войн, безвозвратное крушение прежнего мира с его системой ценностей, потерю родных. Однако случайная встреча с известным композитором даёт Женечке шанс на возвращение любви и веры.

© Иерусалимская Е. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	7
Знакомство	8
Сёстры	13
Мечта	16
Митина семья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Иерусалимская

Автограф

*Любимой бабушке Вере Михайловне
и сестре, другу Наде посвящается*

Предисловие автора

Дорогой читатель! История, изложенная на страницах этой книги моими скромными стараниями, сложилась во многом помимо моей воли. Правильнее будет сказать, что она мне явилась. Зазвучала мелодия, проступили чьи-то лица, послышались приглушённые временем отголоски невнятных разговоров, и невольно захотелось удержать их на листе бумаги. Тени давно минувших дней показались мне знакомыми и близкими. Однако бесполезно искать реальную подоплёку моего рассказа. Наверное, эти образы достались мне по наследству от моей бабушки Веры Михайловны, скромной преподавательницы литературы, прекрасного педагога и ровесницы драматического XX века.

*Привольем пахнет дикий мёд,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото – ничем.
Водою пахнет резеда,
И яблоком – любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...*

А. А. Ахматова

*Пускай судьба, таинственный биограф,
Оставит мне единственный автограф.
Пускай блуждает в предрассветной мгле
Любовь моя – тень Ваша на Земле.*

В. Долина

Пролог

– Ты крови не боишься? – задумчиво спросил Дмитрий. Юноша смотрел на Женечку изучающе и даже с некоторым изумлением, будто внезапно осознал, что проглядел нечто в этих серо-голубых глазах, обрамлѐнных густыми светлыми ресницами, смотрящих на него одновременно доверчиво и с вызовом. Женечка невольно замешкалась, смущѐнная пристальным вниманием юноши и его вопросом, казавшимся совершенно не к месту в тот волшебный, напоѐнный любовью и нежностью день. Царапины не пугали её, а вот если огромная рана... не упадѐт ли она позорно в обморок?

– Думаю, что нет. Не знаю. Надеюсь, что справлюсь, – наконец произнесла она, стараясь придать своему голосу уверенность. Хотя они с Митей дружили уже почти полгода, Женечка робела в его присутствии и тщательно это скрывала.

«Почему я сейчас об этом вспомнила? Я ему что-то ответила. Митя поцеловал меня тогда? Нет, это было позже», – в полусне подумала Женечка и перед тем, как окончательно провалиться в тѐмное забытѐ, успела вспомнить: «Ах, да, мне его давеча опять кто-то задавал. Кажется, Павел Петрович».

Знакомство

Тягучими тревожными ночами Женечка то ли от холода, то ли от какого-то недуга мучилась бессонницей, до ломоты и дрожи во всём теле. Вот тогда она научилась усыплять себя воспоминаниями о прошлом: как будто перелистывала немного пожелтевшие и потерявшие былую чёткость страницы с картинками своего детства, юности. Больше всего она любила возвращаться мыслями в ТУ, ИХ первую зиму. Первая встреча, первый поцелуй, первое свидание, первая любовь... её... единственная любовь.

Как они встретились? Случайно? Женечка была уверена, что нет. Она ни минуты не сомневалась, что они с Митей предназначены друг для друга, а их союз получил благословение свыше. Ей 17 лет, ему – 22. Они познакомились во время гимназического благотворительного рождественского концерта. Собственно, на праздник Женечка могла и не попасть. После рождественской службы у неё разболелось горло, поднялась температура, но утром 27 декабря она проснулась совершенно здоровой. Боясь поверить этому счастью, Женечка прислушалась к своим ощущениям. Горло не болело! Она еще немного полежала, наслаждаясь праздным утром. За окном солнце лениво, нехотя, видимо, находя бессмысленным пытаться обогреть землю в такой мороз, всё же выпустило несколько лучиков, которые, едва коснувшись наледи на окне, заставили её вспыхнуть подобно россыпи бриллиантов. Женечка ещё немного полюбовалась этой картинкой, понежилась в постели. Затем осторожно, немного покачиваясь от слабости, подошла к шифоньеру, отворила дверцу и замерла на несколько секунд, любуясь своим новым платьем. Его пышная юбка из атласа цвета сливок плавной волной спускалась к середине щиколотки, лиф с короткими рукавами из кисеи плотно облегал фигуру, а скромный вырез в форме каре утопал в пышной пене кремового оттенка кружев. Гардеробом Женечки и младшенькой Маши занималась их старшая сестра Варя. Именно по её настоятельному требованию в тот год девочкам вместо парадной гимназической формы сшили платье на выход. Варя решила, что до окончания гимназии, которое должно было состояться в новом году, Женечка выезжать не будет, поэтому Рождественская ёлка должна была стать первым Женечкиным балом. *Каждый раз, мысленно возвращаясь в тот день, девушка старалась вспомнить аромат духов, которые ей преподнёс на Рождество отец, маленькую мамину сумочку с бисерной вышивкой, одетую на запястье...*

С помощью служанки удалось сплетённые косы закрепить на голове в виде короны. Женечка почувствовала себя взрослой, красивой, с сердцем, открытым неизвестному, но манящему будущему, которое не могло не быть прекрасным. Её переполняло ощущение, что у неё получится всё, чего бы она только ни захотела. В приподнятом настроении, напевая что-то своё, она забежала проститься к Маше. Восторг в глазах младшей сестры сказал Женечке больше, чем зеркало. Маша, хитро прищурившись, вынула из ящика секретера маленькую круглую металлическую коробочку с нежно-розовой пудрой и пушистой пуховкой.

– Вот возьми, припудрись, папа' не заметит.

Женечка с осторожностью взяла пуховку и провела ею по носу, по щекам. Посмотревшись в зеркальце, осталась довольна: под лёгкой дымкой пудры её лицо выглядело безупречно, и даже несколько маленьких прыщиков на лбу стали незаметными.

– Барышня, барышня, спускайтесь. За вами приехали, – крикнула с лестницы служанка.

Чмокнув Машу в щёчку, Женечка стремглав пролетела по коридору, а затем, приняв степенный вид, чинно спустилась по лестнице. Привратник Митюря помог ей надеть шубку с капором, обитым кроличьим мехом. Перчатки, муфта, сапожки – она готова. У дома девушку ждала коляска, в которой, подпрыгивая от нетерпения, сидела Оля Барашкова – её школьная подруга.

– Что ты так долго? – укоряла она Машу, – опоздаем!

– Здесь близко, не опоздаем, – уверила её Женечка. Не опоздали, но пока раздевались, раскутывались, меняли ботики на туфли, стояли в очереди в гардероб, концерт начался.

Когда девушки вошли в зал, они увидели ряды стульев, на которых сидела разновозрастная публика: тут были гимназисты из соседней мужской гимназии, некоторые учителя и дамы из попечительского совета, чьи-то родственники, учащиеся младших классов. Перед ними стояло невысокое возвышение, на котором выступали участники любительского концерта. Как раз в тот момент Елена Микулина, учившаяся на класс младше, читала стихотворение обожаемого Женечкой поэта А. Блока «Гамаюн, птица вещая». Девушки застыли в дверях, опасаясь нарушить стоявшую в зале напряжённую тишину.

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облачённых,
Она вещает и поёт,
Не в силах крыл поднять смятённых...

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...

Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью.
Но вещей правдою звучат
Уста, запёкшиеся кровью!

Глубокий, сильный голос Елены звучал то плавно и проникновенно, то страстно. Её темно-серые глаза сверкали, волосы, уложенные локонами, растрепались, яркий румянец выступил на светлой коже щёк – всё вместе это делало чтицу похожей на грозного карающего ангела с мечом. Женечкино сердце подпрыгнуло, словно мячик, и замерло. Она заворожённо слушала, забыв, где находится, что происходит вокруг. Когда Елена закончила читать, возникла пауза; публике потребовалось время, чтобы прийти в себя. Вслед за тем мгновение тишины сменилось громкими аплодисментами. Приглашённые на праздник гимназисты из мужской гимназии Носкова кричали восторженно: «Браво! Бис! Ещё!». Девочка, казалось, не замечала оваций. Она сдержанно, без улыбки, поклонилась и спокойно спустилась со сцены, уступив место следующей участнице концерта, которая, ещё не успев добежать до стула, ударила со всей силой по клавишам рояля. Зал вздрогнул от звуков «Мазурки» Шопена, но покорился, приняв неизбежное.

Помявшись в нерешительности несколько минут, Женечка, неожиданно для самой себя, собралась с духом и подошла к Елене выразить свой восторг. Елена была младше, но её полные достоинства манеры, вкупе с осознанием собственной уникальности, заставляли всех держаться с ней уважительно. Девочка стояла у колонны, запыхавшаяся, безуспешно пытаясь скрыть свою взволнованность от выступления и успеха. Женечкиной похвалы, сбивчивой, но от чистого сердца, оказалось достаточно, чтобы вызвать у Елены дружественный отклик. Вблизи в её облике не было ничего грозного: худенькая, высокая, с бледным тонким лицом, длинной шеей, она походила на мраморную изящную, со слегка вытянутыми пропорциями, статуэтку. Красивый, низкий, сильный голос никак не вязался с её хрупкостью, придавая Елене некоторую изюминку, делаая её особенной.

Женечка было ступшевалась, когда Елена, уверенно взяв её под руку, повела прочь из зала. Смушение быстро прошло, лишь только Женечка поняла, что новая знакомая берёт на

себя ответственность вести и направлять беседу. Тут же выяснилось, что обе они увлекаются поэзией, отдавая пальму первенства Блоку, за которым следовал К.Р., и лишь потом Бальмонт; обе считали, что жизнь женщины не должна ограничиваться семейным кругом, и что «женский вопрос» требует скорейшего разрешения; что м-ль Киреева «душечка», а «Белка» (преподаватель по латыни Белковский) любит умничать, а в предмете путается. Елена призналась, что хочет стать драматической актрисой, как Вера Комиссаржевская. Женечка, немного шокированная такой, по её собственным меркам, откровенностью Елены, отвечала уклончиво, стараясь уйти от ответа о планах на будущее. Они вышли в украшенное разноцветными бумажными гирляндами фойе. Здесь прогуливались несколько классных дам и младших преподавательниц, наблюдавших за порядком. У большого стола, поблёскивая стеклянными боками, стояли ряды бокалов, наполненных лимонадом, а рядом, на соседнем столике, горделиво выселись горы пышнотелых булочек, изящных кренделей с марципаном, украшенных орешками. Женечка, слушая рассказ Елены о поездке в Москву прошлой осенью и о посещении Малого театра, вбирала в себя атмосферу праздника, к которому добавлялась радостная надежда на продолжение нового интересного знакомства. Она не обратила внимания на Олю, проводившую их долгим изумлённым взглядом.

За разговорами девочки не заметили, что стулья из зала уже все собрали и расставили вдоль стен, и небольшой оркестр, расположившийся в его торце, заиграл марш, ознаменовав начало танцев. В противоположной от входа стороне зала открылась дверь в следующее помещение, в центре которого стояла огромная ель, украшенная свечами, шарами и канителью. Большая, сделанная из стекла Рождественская звезда, с подставленной сзади свечой, отбрасывала на стены разноцветные блики. В воздухе пахло воском, пряной свежей хвоей и сладостью праздника. Несколько пар уже танцевали. Группа девушек возбуждённо о чём-то разговаривали, смеялись и усиленно делали вид, что гимназисты их совершенно не интересуют; те мялись, набираясь смелости и выбирая, кого пригласить. Тотчас к Елене подошел высокий молодой человек, представившийся Дмитрием, старшим братом Елены. После дежурных фраз, сопровождавших знакомство, молодой человек пригласил на па-де-катр сестру, а затем на вальс – Женечку. Что он тогда сказал ей? Женечка всеми силами пыталась вспомнить. Кажется, он спросил: «Покружимся?». Она в ответ сделала легкий реверанс. Да, именно так и было. Танцевал Дмитрий хорошо, беря на себя всю ответственность за танец, уверенно вёл партнёршу и лёгким касанием руки, обнимавшей её за талию, подсказывал следующее па. Женечку поначалу охватила паника, поскольку Митины движения казались ей непредсказуемыми; она боялась упасть, наступить ему на ноги, сбиться со счёта и опозориться на глазах у всех. Однако через несколько мгновений девушка растворилась в музыке и полностью доверилась партнёру. Он, казалось, летел над полом, увлекая Женечку. И вот тут что-то произошло между ними: что-то не имеющее словесного выражения, что-то похожее на внутренний толчок, случившийся одновременно у обоих, и, удивительным образом, каждый почувствовал его в другом. От неожиданности молодые люди остановились, но уже в следующее мгновение их обоих накрыло такое спокойствие, такое ощущение неделимости, что в головах их родилась одна и та же странная мысль: «Я дома». Они продолжили вальсировать. Митя мило смущался, но пытался скрыть это за разговорчивостью и немного преувеличенной весёлостью. Конечно, после танца они угостились холодным лимонадом, но больше, по молчаливому согласию, не танцевали. Весь остаток вечера прошёл в беседе. Женечка, на удивление, чувствовала себя легко в обществе молодого человека. Куда только девались её сдержанность и молчаливость! Им обоим хотелось узнать всё друг о друге; любое совпадение в интересах, местах или событиях воспринимались подтверждением ещё не осознанного пока чувства судьбоносной неслучайности. Елена немного удивлённо, между танцами, наблюдала за новой подругой и братом. Таким взволнованным и довольным на светских мероприятиях она его никогда не видела.

Поняв, что разговор поддерживается и без её участия, со спокойной душой Елена полностью отдалась танцам, благо кавалеров у неё было предостаточно.

Между тем, Женечка узнала, что Митя и Лена рано осиротели и находились на попечении дяди – Бориса Львовича Бортко, известного всему городу врача. Митя учился на третьем курсе медицинского факультета городского университета. Женечке так не хватало образованного в области медицины собеседника, что теперь она засыпала вопросами молодого человека обо всём, что интересовало её, и только боязнь сказать какую-нибудь глупость несколько сдерживала её энтузиазм.

Незаметно пролетело время. В гардеробе снова толпилась возбуждённая и слегка подуставшая молодёжь, ожидавшая своей очереди за пальто. Бал закончился. Гимназисты стайками и парами расходились по домам. У гардероба Женечку поджидала Ольга, чтобы отвезти домой. Женечка отказалась, сославшись на необходимость прогулки для её, якобы больной, головы. Она видела, что Ольга не поверила ей, но какое это теперь имело значение?

Митя с Еленой вызвались проводить Женечку. Решено было возвращаться пешком. Неторопливо прошли по центральной улице, одетой, в честь Рождества, в нежное снежное покрывало; мимо оперного театра, запорошённого снегом и оттого похожего на античный храм; свернули в переулок. В витринах магазинов поблёскивали рождественские игрушки, окна домов отбрасывали на мостовую приглушённый шторами свет. Женечка чувствовала удивительный покой, исходящий от неизвестно откуда взявшейся уверенности, что теперь её жизнь изменится; девочку не страшили перемены, а, наоборот, манили в будущее. Она украдкой бросала взгляды на Митю, стараясь запомнить его черты, чтобы, когда они через несколько минут расстанутся, унести с собой отпечатанное на сетчатке глаз изображение, и тогда каждый раз, прикрыв глаза, она сможет снова и снова восстанавливать его в памяти. Лёгкие снежинки порхали в свете уличных фонарей, снег искрился и скрипел под ногами. Всё было как вчера, как прошлой зимой, но молодым людям казалось, что подобного Рождественского вечера ещё никогда в их жизни не было. Всё знакомое, обыденное обретало новый смысл. Женечка уронила перчатку, Митя молниеносно поднял, но вместо того, чтобы тотчас отдать девушке, сам надел на её руку, при этом тихонько, будто случайно, погладив большим пальцем запястье. Девушка сжалась, стало жарко и отчего-то очень неловко. К счастью, Митя смотрел на зимние холодные звёзды и что-то про них рассказывал. Женечка перевела дыхание. Затем они несколько минут прощались у Женечкиного дома и всё никак не могли отпустить друг друга. Только предложение Елены сходить вместе на каток после Крещения помогло, наконец, молодым людям попрощаться. Женечка юркнула за дверь. Немного повременив для того, чтобы сердце откуда-то из горла вернулось на своё место, она бегом поднялась на второй этаж и посмотрела в заиндевевшее лестничное оконце. Митя всё ещё стоял перед домом, о чём-то, видимо, задумавшись, потом решительно повернулся и быстрым шагом пошёл догонять Елену. Через мгновение он скрылся из глаз. Безлюдная сине-белая улица и чувство, что тебе посулили что-то, но так и не дали. Глухая пустота. Стало неинтересно, и девушка, покинув наблюдательный пост, направилась в свою комнату. Женечка чувствовала, как внутри неё зарождается, растёт нечто тёплое и волнующее, достигает лица и распускается счастливой, нежной улыбкой, которая впоследствии неизменно возвращалась каждый раз, когда она думала о Мите.

Оставшиеся праздничные дни Женечка провела дома, отказавшись от всех приглашений на ёлки. Ей не хотелось никого видеть, не хотелось разговаривать, а хотелось только чувствовать, проживать то новое, что заполнило её сердце после встречи с Митей. Женечка боялась в развлечениях расплескать новые эмоции, которые накрыли её с головой. Она не задумывалась о природе своих чувств, не давала им названия, а беспечно отдавалась на их милость. Ей хорошо было сидеть рядом с изразцовой печкой в библиотеке отца, читать книги, временами вслушиваясь в полифонию ветра, и мечтать, мечтать, а потом сладко засыпать под вьюгу и зимнюю непогоду в тёплой уютной спальне.

Откуда ей было знать, что в это самое время, тихо, крадучись, неумолимо, подобно леопарду, готовящемуся к прыжку, приближается Катастрофа, которая растерзает своими клыками всё: родной дом, близких людей, и утопит в крови всю страну.

Спустя всего три года, лёжа без сна в тревожной темноте в далёком чужом городе, к ней придёт непереносимое в своей беспощадности осознание непреодолимой пропасти между прошлым и нынешним: ни кресла у изразцовой печки, ни родных людей, ни ощущения тепла и безопасности родного дома у неё уже не будет никогда.

Сёстры

У Женечки были две сестры. «Точь-в-точь, как в пьесе Чехова. Мы с мамой старались», – посмеивался папа’.

Старшая сестра Варя характером и лицом пошла в отца: круглолицая, плотненькая, «сбитенькая», как говаривала её няня, неторопливая в движениях и речи, рассудительная. Любое решение принимала неспешно, рассматривая все «за» и «против», что можно было бы расценить как недостаток уверенности в себе, если бы Варя, однажды придя к какому-то мнению, не уподоблялась скале, которую с места сдвинуть не представлялось возможным никому. Младшенькие (на десять и одиннадцать лет моложе) Женечка с Машей немного побаивались её апелляционных решений, спорить с которыми им было не под силу.

Маша, по словам родных, пошла больше в покойную мать: то же красивое, бледное, безупречного овала лицо с чётко очерченными бровями. Милая, обаятельная, любящая всех, особенно «сестру – подругу» Женечку. Несмотря на то, что ещё в раннем возрасте Маша стала калекой, редко кто видел её унылой или раздражённой. Её улыбка покоряла с первого взгляда. Девочка всегда с радостью откликалась на любое веселье и шалость. Казалось, она совсем не думает о своём увечии. Маша обожала рисовать до такой степени, что рисовала на всём: любом обрывке бумаги, фантике или – о, ужас, – на полях классных тетрадей. Её картинки с изображением цветов, моря, зарисовки домашних сценок, лошадей, кошек, собак, портретов родных и знакомых отличались бьющей через край любовью к жизни. У Маши в кармане платя всегда можно было обнаружить огрызки карандашей, мелков или перочинный ножик, на всякий случай.

Вопрос, в кого пошла сама Женечка, вызывал постоянные дискуссии среди родных и друзей семьи. В её внешности гармонично соединились черты обоих родителей: курносый нос, выпуклый лоб – папины; ямочки на щеках, серо-голубые, обрамлённые пушистыми светлыми ресницами, как и у Маши, глаза, красивая форма бровей – от мамы. Однако характером Женечка пошла явно не в них. До смерти мамочки их дом славился хлебосольством, на праздники собирались за большим столом родственники, друзья, друзья друзей и друзья родственников. Женечкина память не сохранила воспоминаний об этих собраниях. Она росла замкнутым, застенчивым и молчаливым ребёнком, но при этом ни в выражении её глаз, ни в повадках не было никакой угрюмости; напротив, в ней чувствовалось расположение к окружающим, которое от смущения она не знала, как выразить. На детских праздниках старалась забиться куда-нибудь и уже из укрытия с любопытством наблюдать веселье других детей. Если же её пытались выманить из убежища, девочка сердито отбивалась или убегала. В конце концов, домашние смирились с тем, что Женечка ни под каким видом не выйдет в гостиную поздороваться с гостями, а детскому празднику предпочтёт игру с отцом в шахматы или возню с Машей. Отец, по мнению своей старшей дочери Вари, слишком потакал младшим дочерям, предоставляя им свободу практически во всём, что не касалось учёбы. Поэтому он не стал настаивать на обязательном присутствии дочери за праздничным столом или на завязывании дружбы с другими детьми. Женечка любила читать, и читала всё, что хотела, в библиотеке отца. Её любимой детской книгой стала энциклопедия животных – большой фолиант в кожаном переплёте с яркими картинками. Многие сведения о животных Маша запоминала наизусть и могла поразить любого рассказами, например, о пауке-птицеезде.

Отец девочек, Михаил Аркадьевич, был известным в городе юристом, служил несколько лет мировым судьёй, а затем открыл частную практику. Потеряв рано жену, он более не находил удовольствия в домашних радостях, предпочитая свободное время проводить с друзьями в клубе за бильярдом, отчего всегда чувствовал себя виноватым перед дочками и старался загладить свою вину развлечениями и подарками. Он охотно уступил ответственность за дис-

циплину в семье Варя. Варвара с большим старанием и строгостью, за которой первоначально скрывала растерянность и опустошённость, затопившие её сердце после смерти мамы, взялась за ведение дома и воспитание сестёр. Она не терпела беспорядка и праздности, поэтому младшие сёстры были всегда чем-то заняты. Варя просила отца нанимать им преподавателей по рисунку, танцам и фортепьяно, французскому, немецкому и латыни. Она настолько свыклась к роли наставницы, что не перестала руководить сёстрами даже когда вышла замуж за чиновника из Департамента образования, переехала в его дом и родила ему двоих детей. Дважды в неделю Варя приезжала, чтобы убедиться, что дом живёт по составленному ею распорядку. Все слуги в доме – кухарка Настасья, служанка и садовник – во время таких визитов вытягивались в струнку и уважительно величали её по имени-отчеству. Несмотря на то, что Варя никогда не повышала голоса, в её непоколебимой уверенности в собственном знании «как надо» таилось нечто, заставляющее прислушиваться к её словам. Маленькими Маша и Женя подчинялись ей беспрекословно, а, став постарше, научились прибегать к разным уловкам, чтобы избежать её диктата, но в открытую спорить с ней не дерзали. Конечно, девочки продолжали искренне любить сестру, по сути, заменившую им мать, и относились к Варя с уважением, но настоящей доверительной душевной близости у них не возникло. Другое дело, Женечка с Машей. Они были погодками, у них была общая детская, общая няня, общая гувернантка, общее детство, общее горе – ранняя смерть мамы.

Женечка маму помнила смутно, а Маша – та не помнила её совсем. Когда речь заходила о маме, Женечка видела, нет, скорее чувствовала мамочку рядом. Вот она стоит, трёхлетка, держась за мамин подол, на дорожке в парке. Мамино лицо Женечке не видно, оно где-то там, высоко над ней, она только чувствует тепло мамино колена, запах маминых духов, и ей так радостно, так светло и так безопасно от маминого присутствия. Внезапно мама исчезла из её жизни. Сердечный приступ. Женечка долго не верила, что мамы больше нет. Она никому не задавала вопросов, а взрослым было не до неё. Её детская душа не могла принять такой чудовищной несправедливости. Она продолжала ждать мамино возвращения. С первой выученной молитвой она просила Бога вернуть ей маму, которая «ушла», как говорили взрослые. Её надежда на встречу с мамой обростала придуманными сказочными историями, что, вероятно, в немалой степени помогло Женечке пережить эту первую в жизни страшную потерю, хотя страхи нет-нет, а давали о себе знать. Поначалу Женечка боялась оставаться одна. Лет до шести у неё начинались судороги, если папа или Варя неожиданно задерживались где-то, опаздывали к ужину. К счастью, Маша подрастала, и у Женечки появилась сестра, ставшая самым близким ей человеком. Женечка и Маша практически никогда не расставались, даже на день, с раннего детства вплоть до поступления Женечки в гимназию. В детской спальне их кровати стояли рядом, и когда кто-то из девчушек не мог заснуть от страха ли темноты, от дневных ли переживаний, они находили утешение друг в друге. Неудивительно, что Женечка компаниям сверстников предпочитала общество сестры, которая вынуждена была проводить большую часть дня в кресле, потому что с трёх лет не могла ходить без посторонней помощи. Скучно им не было никогда. Сёстры много читали, а затем, под впечатлением от прочитанного, начинали творить сами. Если Женечки по каким-то причинам не было дома, а сюжет новой истории уже требовал своего оформления, Маша брала карандаш и зарисовывала его, чтобы не забыть. Часто и Женечка вносила свою лепту, на полях рисунков записывая продолжение эпизода или добавляя в него новые подробности. Получалось что-то вроде самодельной книжки с картинками. Когда очередной альбом заканчивался, его торжественно помещали в большую деревянную, обитую металлическим орнаментом, шкатулку. Шкатулка запиралась на ключ, а ключ хранился в мешочке с орехами, который держала в лапках плюшевая белка. Между девочками был уговор – ничего не скрывать друг от друга, а свои самые важные секреты не поверять никому другому. Единственное, что расстраивало маленькую Женечку, так это то, что с сестрёнкой нельзя было вместе побегать, сходить в гости, покататься на санках и конь-

ках, покататься в красавице Волге. Зато в любое время можно было попросить у папа' запрячь коляску и поехать кататься по городу, а то и за его пределы, так как Маше нужен свежий воздух.

Женечке непременно нужно было по несколько раз на дню прибежать, забраться на диван, обнять Машуню и поделиться всем, что на тот момент занимало её головку, затем выслушать Машино мнение: сестра всегда серьёзно вникала во все подробности Женечкиных мыслей и переживаний. Маша неизменно была готова к участию во всех Женечкиных фантазиях и играх. Все главные роли Женечка всегда забирала себе, и Маша никогда с этим не спорила, а просто принимала с радостью, что ей позволили участвовать. Из-за Машиной проблемы с ногами подвижные игры исключались, но оставалось много другого: кукольный театр, фигурки для которого вырезались тут же из картона; поиски пиратского сокровища в кладовке; строительство замка и кареты для принцессы из диванных подушек, стульев и покрывала с дивана; обустройство жизни на необитаемом острове Робинзона Крузо. Да мало ли чего ещё могли придумать неуёмные девчушки, остававшиеся вечером, после ухода домашних учителей, без присмотра! Машина инвалидность, в каком-то смысле, обернулась счастьем для Женечки, поскольку уж кто-кто, а Маша всегда была дома. Страх потери любимого человека у Женечки так до конца и не прошёл, застряв, подобно осколку снаряда, глубоко в душе, но, по крайней мере, годами не напоминал о себе.

Мечта

Женечкина жизнь изменилась с того момента, когда однажды в неё вошла Мечта. Мечта не о какой-нибудь ерунде вроде куклы с закрывающимися глазами, или игрушечной лошадки с настоящей гривой и хвостом, а серьёзная, настоящая. Несколько лет назад отец подарил Женечке на Пасху чудесную коробку с малюсенькими врачебными инструментами, которые выглядели, как настоящие! Женечка бегала по дому и прослушивала лёгкие его обитателей: няни, кухарки, садовника и горничной. Ей так нравилось измерять температуру, шупать пульс и выписывать с серьезным видом «лекарства», что она решила стать врачом, и не просто врачом, а именно хирургом. Ей казалось, что врачи, делающие операции – самые главные герои. Они бесстрашно берутся за скальпель и вступают в борьбу с болезнью, а часто и со смертью, и побеждают! Служить этой высокой цели означало прожить жизнь не напрасно, подняться над обыденностью, предназначенной женщине её круга, сводящейся к «семья-дом-общественные обязанности». Глядя на старшую сестру Варю, Женечка радовалась её семейному счастью, но в глубине души испытывала лёгкое превосходство, потому что у сестры не было Тайны и Цели. Существовало ещё одно обстоятельство, которое подпитывало интерес Женечки к медицине: болезнь Маши. В раннем детстве, ещё при маме, Женечка смутно помнила периодические визиты докторов; проводились консилиумы и опробовались всё новые лекарства, но Машино состояние не улучшалось. Как-то раз Машеньке на ноги надели страшные железные конструкции, и несмотря на то, что каждый шаг причинял ей острую боль, девочку заставляли ходить в них по коридору туда и обратно. Маша старалась терпеть изо всех сил, но удержаться от слёз было невозможно... Эти ежедневные страдания и слёзы становились невыносимы для Женечки, которой казалось, что ей было бы легче, если бы это происходило с ней, а не с Машей. Уж она как-нибудь бы справилась, она вон какая сильная. Как-то раз Женечка услышала, как очередной врач, выходя из кабинета отца, замешкался на пороге и сказал: «Медицина тут бессильна. Пока бессильна. Исследования ведутся, но о каком-то определённом результате говорить рано. Может быть, в будущем...». Женечка стояла несколько минут поражённая – «пока»! Значит, если вдруг изобретут нужное лекарство или выяснят, как исправить ноги сестрёнки, Маша выздоровеет! Возможно, те, кто этим занимаются, не знают, как это необходимо её сестре, и трудятся над исцелением других болезней? Как же быть, как уговорить их сделать лекарство для Маши?

У отца в кабинете, среди большого количества технической литературы, ей попался двухтомный справочник по медицине. В нём за латинскими таинственными красивыми названиями порой скрывались страшные диагнозы, но читать про их лечение было увлекательно. Однако самой интересной оказалась книга по истории медицинских открытий, где описывались болезни, ранее считавшиеся неизлечимыми, но которые, в результате исследований, оказались побеждены. Это наполнило сердце девочки надеждой. «Маша, не бойся, я вырасту, стану врачом и вылечу тебя!» – возбуждённо шептала она сестре на ухо.

– Как? Это будет больно? – спросила заинтересованно Маша.

– Не знаю пока ещё. Но обязательно узнаю. Ты потерпи. Только никому не говори. Это наш секрет.

– Почему секрет? – удивилась Маша, с обожанием глядя на свою, такую умную, сестру.

– Понимаешь, я ещё точно ничего не знаю. Скажу, когда узнаю. Ладно? Всё, спокойной ночи! – и Женечка, поцеловав сестрёнку и подоткнув ей одеяло, отправилась спать.

С тех пор Женечке нравилось засыпать с мыслями об изобретении лекарства от всех серьёзных болезней и дающего долголетие. Она силилась представить, какой тогда будет жизнь Маши, как исчезнут калеки с церковной паперти, какими все станут весёлыми, и дядя Володя (старший папин брат) перестанет всё время ворчать и жаловаться на свой радикулит. Женечке

такое будущее казалось вполне возможным, надо только постараться. Как любит повторять папа: «терпение и труд всё перетрут», а ради такой цели можно отдать всю себя до последней капельки. Надо только выучиться и найти тех врачей, которые работают над этим лекарством. Первое было бы трудно без поддержки взрослых, но вот им-то, вечным скептикам, говорить хотелось меньше всего. Отец, несомненно, подверг бы серьёзному анализу идею Женечки, убедительно доказав её никчёмность, затем высказал бы свои критические сомнения по поводу всемогущества науки в том, что касается области, подконтрольной Богу, и от возникшей у Жени надежды, что в будущем, пусть и отдалённом, медицина победит смерть и все будут здоровы, не осталось бы камня на камне. Вера человека в чудо всегда проигрывает логическим построениям. В богатом воображении девочки картина мира представляла собой битву между Фениксом – жизнью, и Драконом – смертью, и жизнь должна была победить! Однако сидеть и ждать этого они с Машей не будут. В кудрявой головке Женечки стал созревать план действий. Поступив в гимназию, она сразу серьёзно углубилась в учебники по естествознанию и химии, записалась на общедоступные лекции по оказанию первой медицинской помощи. Несмотря на то, что в своём увлечении Женечка была одинока (никто из девочек в гимназическом классе о карьере медика не помышлял), Женечку это не смущало: у неё был постоянный и верный сторонник – Маша. Сестра не только выслушивала рассказы Женечки о найденной ею информации об уникальных операциях и научных открытиях, но и проверяла вызубренные ею формулы по химии, части тела по анатомии и порядок оказания первой помощи при переломах конечностей. Подрастая, Маша стала очень хорошо рисовать – везде в доме висели на стенах её акварельные лилии, полевые букеты и морские пейзажи. Для сестры она нарисовала большую схему анатомического строения человека, кровеносную и пищеварительную системы. Женечке казалось, что ничего красивее ей не встречалось ни на одной художественной выставке, и она повесила плакат над своей кроватью рядом с увеличенной копией «Витрувианского человека» Леонардо да Винчи, сочтя такое соседство вполне оправданным.

Совсем всё сохранить в секрете, конечно, не удалось. И папа, и старшая сестра Варвара со временем поняли, куда дует ветер, и несмотря на то, что вполне сочувствовали идеям женского равноправия, считали, что такой жизненный путь не для тихони-домоседки Женечки, не упуская случая невзначай сказать ей об этом. Как-то отец, после воскресной церковной службы, обсуждая только что услышанную проповедь, заметил: «Похвально, что тебя привлекает идея служения обществу, но, может быть, это не единственный путь? Быть врачом – ответственная и трудная профессия даже для мужчин. Надо много знать. Проводить время над книжками годами. Надеюсь, ты не вознамерилась стать эдаким «синим чулком», скучнейшей занудой с папиросой в зубах, обкуренной опиумом, и лишит меня счастья иметь много внуков?». Женя мотнула головой, опустила голову и сжала губы, чтобы не заплакать. В словах отца ей слышалась насмешка взрослого человека над маленькой глупышкой; неверие в то, что она способна на что-то мало-мальски полезное, что её удел – вести дом и воспитывать детей. Михаил Аркадьевич, однако, долго не мог продолжать свои наставления, видя расстройство доченьки, и закончил примирительно:

– Лапочка, не сердись, я пошутил. Ну что ты, моя маленькая. Живи, как хочешь. Ничего более я так не желаю в жизни, как только видеть тебя и Варю счастливыми. И Машу, – добавил отец, тяжело вздохнув и в глубине души продолжая надеяться, что, по прошествии времени, Женечкины фантазии исчезнут сами собой.

Варя, после своего успешного замужества и рождения первого ребёнка, вообще не понимала, как можно мечтать о чём-то другом, кроме семейной жизни. Она настойчиво пыталась показать Женечке все прелести материнства и часто приглашала сестру поиграть с малышкой. Женечке нравилось возиться с племянкой, но Варин образ жизни казался ей однообразным, скучным и даже пустым. Она старательно делала вид, что не замечает усилий старшей сестры наставить её на путь истинный, ведь спорить с Варей было бы сложно, тем более, что и саму

Женечку одолевали сомнения в возможности осуществления её мечты, ведь женщин на медицинские курсы брали лишь вольнослушателями. Только Маша бесконечно верила в Женечку. Она готова была слушать рассказы сестрёнки о медицинских экспериментах и опытах, о загадках и новейших гипотезах. Бросалась, как отважный оловянный солдатик с мечом наперевес, чтобы побороть Женечкины сомнения, поддержать и укрепить её веру в себя. Она очень хорошо знала, что в её молчаливой и застенчивой сестрёнке живёт мятежный огонёк, который может со временем превратиться в яркое пламя, достаточно только не дать ему потухнуть.

Даже если бы Женечка хотела объяснить папе и Варе свой не совсем ожидаемый ими выбор жизненного пути, то и тогда не смогла бы выразить свои чувства словами. Сначала это было наивное детское желание помочь Маше, однако по мере того, как Женечка всё больше узнавала из книг о врачах, об их борьбе со смертью, эпидемиями и невежеством, об устройстве человеческого тела, хранившего ещё много загадок, тем больше всё это – тайны и открытия, борьба и победа – притягивало, дарило девушке ощущение значимости цели, возможности бросить вызов и подняться над пыльной обыденностью, ощутить себя в силах пройти через все преграды и, возможно, даже спасти жизнь кому-то. Биология и химия открывали ей законы природы, позволяли по-другому взглянуть на жизнь; давали ей в руки ключ, не воспользоваться которым она не могла.

К окончанию гимназии Женечка уже вполне трезво представляла себе трудности, стоявшие на её пути, но какими соблазнительными казались даже они! Три года назад в Петербурге открылся первый в стране женский медицинский университет, однако женщин-хирургов никто никогда в глаза не видел, а женщин-докторов можно было и вовсе пересчитать на пальцах двух рук. На то, чтобы стать хирургом и добиться признания своего права заниматься этим делом, у неё уйдут годы тяжких трудов. То Женечка опасалась, что её способностей может не хватить для такой сложной специальности, то боялась дрогнуть под тяжестью разумных и весомых доводов старших, но в то же самое время она чувствовала в себе нечто, что не позволит ей отступить – всё возрастающий интерес к познанию, азарт в погоне за неизведанным. Ночами она тайком читала статьи и лекции С.П. Боткина и И.М. Сеченова. Понимала в прочитанном немного, но, как ни странно, Женечку это не останавливало. Её невероятно взбудоражила работа Сеченова «Рефлексы головного мозга», в которой автор утверждал, что именно мозг управляет всеми рефлексами организма, но как именно он функционирует, науке предстояло ещё исследовать. Женечка даже разбудила Машу, чтобы прочитать ей несколько страниц. Маша жалобно просила оставить её в покое, и Женечка непонимающе уставилась на сестрёнку: в её голове не укладывалось, как можно спать, не узнав об удивительных исследованиях, приоткрывающих тайну внутреннего содержания наших голов.

Однажды Женечка из газеты узнала, что в Петербурге работает ученица Сеченова Надежда Сулова – первая женщина-хирург в России! Женечка мечтала познакомиться с ней, но сначала надо было получить образование, и таким образом у девушки появилась ещё одна причина зарыться в учебники.

Со временем Варя и папа' перестали задавать Женечке вопросы, хотя их обеспокоенность не исчезла. Между тем, Женечка взялась за освоение техник массажа и гимнастики. Каждый день она занималась с Машей, которая, всецело доверяя сестрёнке, старалась делать всё, как та говорила. К удивлению окружающих улучшение, пусть крошечное, было достигнуто – Маша могла теперь стоять без посторонней помощи. Женечка сияющими, ставшими огромными от счастья, глазами смотрела на сестру. Маша стояла! Вдруг Маша сделала что-то вроде шага, потом попыталась ещё – и упала на руки успевшей подхватить её Женечки. Увидев в глазах Женечки слезы, Маша оттолкнула её руки и снова попыталась встать. Во второй раз ей это удалось лучше. Отдохнув пару мгновений, Маша повторила попытку стоять, не падая. Теперь ей удалось простоять минуты две, а затем Женя вернула её на кровать, устроила среди подушек и окинула сестру задумчивым взглядом. Пробормотав: «возможно, здесь дело в голове»,

она поспешила из спальни сестры к себе и зарылась в кучу книг. Тем не менее, с той поры Маша стала смелее передвигаться самостоятельно с помощью рук и костылей, не прибегая к посторонней помощи.

«Господи, Машуля, где ты? Как ты? Прости меня, прости. Машенька, умоляю, только живи, только живи!» – шептала Женечка, и даже во сне слёзы текли по щекам, уходя в подушку. Она пыталась молиться, но ничего не получалась. «Как ты, ты могла её оставить? Как?!» – в который раз кричала её измученная душа, обращаясь к Варе. Проснувшись и придя в себя, разум подсказывал ей, что ничего другого, как уйти без Маши, Варя сделать не могла. Она понимала, что Варя страдает не меньше её, а также и то, каких усилий той стоило написать Женечке Письмо.

Митина семья

После каникул знакомство Женечки с Еленой продолжилось, но Митя не всегда мог их сопровождать: учёба в университете и практика в городской больнице, помощь дяде с частным приёмом пациентов не оставляли много времени для встреч. Иногда по воскресеньям молодые люди втроём ходили на городской каток, где под музыку, держась за руки, медленно скользили по льду, не замечая никого вокруг. В первый их приход на каток к Женечке подбежала её одноклассница Ольга, и ничего не оставалось, как представить её своим новым друзьям. Ольга с воодушевлением принялась что-то рассказывать, не забывая возносить драматический талант Елены и «гениальные» танцевальные способности Мити. Женечка почувствовала себя неловко, Митя сразу сделался рассеянным, одна Елена не скрывала удовольствия от Олиных комплементов. С тех пор, если с ними шла Елена, она обязательно приглашала Ольгу. А вот Женечка с Ольгой встречалась теперь лишь на уроках. Даже вместе домой перестали ходить. Это задевало Женечку, но лишь в малой степени, поскольку все её мысли были теперь о Мите.

На Масленице гуляли в городском парке, катались на карусели и слушали оркестр. Время пролетало незаметно, им его всегда было огорчительно мало. Лёгкое пожатие руки, глухой хлопок двери. Вот и всё. Снова сладко-томительное ожидание следующей встречи.

У Женечки перехватывало дыхание от одного, даже беглого, взгляда на Митю, горячая волна накрывала её с головой, оставляя на щеках пунцовый след. Ни один человек до сих пор не оказывал на Женечку такого, непонятно с чего, тревожного, волнующего впечатления. Её настроение менялось постоянно: то Женечка не могла дождаться следующей встречи с Митей – с надеждой на неё просыпалась по утрам и засыпала ночами – то необъяснимая паника охватывала девушку, и ей хотелось убежать, спрятаться. «Вот почему так? Что со мной происходит? Почему мне так страшно порой, а в другой раз так тепло и покойно?» – размышляла Женечка и ответа не находила. Станным ей казалось и то, что, думая о своём приятеле постоянно, она не нашлась, что ответить на вопрос своей младшей сестрѐнки о том, красивый ли Митя. Она вовсе об этом не задумывалась. Были ли у него правильные черты лица? Пожалуй, нет. Нос, тонкий и длинный, придавал юноше в профиль сходство с какой-то задумчивой птицей. Светлокожий, с пшеничными слегка волнистыми волосами, с тонкой щѐточкой усов над верхней губой – одним словом, ничего особенного. Был ли он богатырского сложения? Нет. Хотя Мите в наследство от польского дедушки достался высокий рост, худоба придавала ему совсем мальчишеский вид. Иными словами, мужественности и степенности юноше, может быть, пока не хватало, а между тем, его пылкий, временами озорной взгляд карих, с золотыми крапинками, глаз, порывистость в движениях, обаятельная улыбка, безупречные манеры легко завоёвывали расположение окружающих любого пола и возраста. Для Женечки же Митя был самым что ни на есть особенным. В общении с ней он проявлял заботливое внимание, что, безусловно, льстило и, одновременно, пугало Женечку. Ещё она чувствовала, как между ними порой возникало манящее, сильное до невыносимости, напряжение, требовавшее какого-то действия, поступка, да чего угодно, лишь бы сбросить с себя этот морок, но внутренний голос нашѐптывал, что, даже если бы такое произошло, принесло бы лишь временное облегчение. Девушка отмечала каждый Митин жест, даже если не смотрела в его сторону, улавливала малейшие перемены в настроении, понимала его, ещё даже не озвученные, мысли. Она видела, что и Митя ловит малейшее движение её сердца. Чем бы он ни был занят – разговором ли с гостями, делом ли каким – он всегда располагался так, чтобы видеть Женечку. Иногда девушка изумлялась тому, как они неосознанно повторяют движения друг друга, словно двигаются в некоем танце под только им двоим слышимую мелодию. Женечка тушевалась, но в то же самое время чувствовала себя красивой и особенной, как никогда прежде. Может быть, со стороны это и выглядело по-детски наивно до глупости, но про себя она называла его «мойпре-

красный рыцарь». Женечка, разумеется, никогда бы не произнесла подобное вслух, а если бы кто-то прочитал Митино «тайное имя» в её сердце, умерла бы от стыда, но в своём сердце мы имеем право хранить любое имя, не так ли? Женечке казалось, что «её рыцарь» умеет и знает всё на свете, она гордилась знакомством с ним. У Мити, действительно, был широкий круг интересов, начиная от античной археологии и вплоть до химических опытов, он много читал, прекрасно музицировал, был всегда окружён друзьями и, главное, он учился на медицинском факультете Казанского университета! Женечка могла бесконечно слушать Митины объяснения и рассказы, какой бы темы они не касались, но разговоры о медицине особенно волновали её. Митя умел доходчиво объяснять. В его изложении сложные задачки по химии или математике теряли свой устрашающий вид. Кроме того, общение со студентом-старшекурсником разрушало ставшие узкими стены домашнего мирка и открывало дверь в ещё не изведанный и манящий круг университетской молодёжи. Увлечённость, горячий интерес к наукам, политике, литературе, музыке незаметно вовлекал в Митин интеллектуальный водоворот всех окружающих. У них дома постоянно собирались студенты с медицинского, естественно-научного и физико-математического факультетов. Молодые люди щедро делились друг с другом своими идеями и опытом. Спорили, иногда ссорились, мирились, читали стихи, влюблялись, играли в буриме и в лото. Женечка в разговор вступала редко, но слушала внимательно – эти дискуссии, обсуждения давали ей порой много больше, чем книги и, уж конечно, больше, чем уроки в гимназии. Горизонты медицины раздвигались, предвкушение новых открытий будоражило умы. Примеры врачей, таких как И. Мочутковский, Г. Минх, Н. Вещёва-Струнина, ставивших опыты на себе, вдохновляли на будущие жертвы ради победы над болезнями. Смерть во имя науки представлялась девушке в романтическом флёре красивых страданий. Женечка тогда не знала, что не бывает красивых смертей и страданий. Ей очень нравилось бывать в доме Бортко. В отличие от её родного дома, где всегда царили лёгкий полумрак и тишина, здесь кипела жизнь, приходили-уходили друзья Мити и Елены, пациенты и коллеги Бориса Львовича; самовар не убирался со стола до позднего вечера. Уютно пахло тестом, корицей, сдобой – её замечательно и в больших количествах, так, чтобы хватило на всех многочисленных посетителей, каждое утро выпекала кухарка Глаша.

Время от времени к их молодёжной компании присоединялся дядя Мити и Елены, Борис Львович. Он знал нескончаемое количество просто смешных и поучительно смешных историй из своего богатого врачебного опыта. Рассказывал он всё это с таким серьёзным и значительным видом, что не смеяться было решительно невозможно. Иногда «на бис» Борис Львович рассказывал о своей встрече с А. П. Чеховым, которого боготворил не только как писателя, но и как врача. «Он – Человек, – любил повторять Борис Львович. – Вот вы думаете, что для хорошего врача достаточно просто много знать? Нет, господа, это необходимо, но сами по себе знания ещё не сделают вас докторами. Тут нужен особый сплав сочувствия к людям, смелости, сомнений, но и уверенности, и решимости победить. Вот Антон Павлович это понимал. Да ещё и души врачевать старался. Царство ему небесное».

Для Женечки, как и для остальных гостей, сам по себе факт знакомства Бориса Львовича с Чеховым вызывал благоговение, но надо признать, что и профессор заслуженно имел репутацию одного из самых известных и уважаемых в городе врачей. Он работал в городской больнице, имел частную практику и преподавал в университете. Две комнатки на первом этаже с отдельным входом, небольшой приёмной с портретом Чехова на стене служили Борису Львовичу для приёма больных в свободное от работы в больнице время. Он принимал всех, вне зависимости от размера кошелька и времени суток. Словно забыв, что по специальности он травматолог, к нему обращались с самыми разнообразными проблемами. Митя, в первый раз представляя Женечку дяде, вскользь упомянул об её интересе к медицине. Борис Львович удивлённо окинул критическим взглядом молоденькую девушку, ещё почти ребенка, стоявшую перед ним потупившись, и ничего не ответил. Женечка была благодарна ему за это молчание,

за то, что он не пустился в пространные рассуждения о неуместности подобного увлечения для женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.